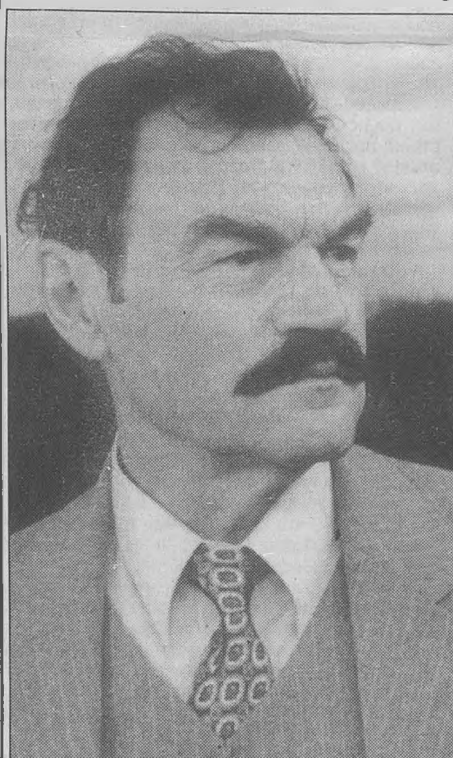

ГЛОТОК НАД ПРОПАСТЬЮ — ЭТО ПО-РУССКИ

НИК ТИТУС

Он ворвался в наше кино, можно сказать, на такси, сыграв мрачного водителя в картине Лунгина "Такси-блюз". Его рубленый профиль, бычья шея да увесистые кулаки призваны были подчеркнуть субтильность гнилого интеллигента, которого представил на экране скандальный Петр Мамонов. Парочка была настолько потрясающей и врзалась в память, что многие до сих пор спрашивают: "А, собственно, куда подевался Зайченко — этот крутой водела пороссийски?" Отвечаем: актер, несмотря на свою мощную фактуру, скромен, живет в Волгограде, снялся в "Русском бунте" и никак не разберется со своими усами. Свои фирменные казачьи усы Зайченко то сбреет, то вдруг отращивает снова. Последний раз, после съемок "Русского бунта", он добровольно отдался в шаловливые ручонки внуков, и те весело искромсали его усато-бородатую растительность ножницами... А совсем недавно его по сокращению штатов уволили из местной филармонии, где он 25 лет честно нес культуру в массы — читал стихи Маяковского, прозу Шукшина, Астафьева.

Справка: Петр Зайченко — актер, 57 лет. Родился в Волгоградской области, в 1971-м окончил Саратовское театральное училище. В кино — с 1984 года, снялся почти в двух десятках картин: "Парад планет", "Плюмбум, или Опасная игра", "Такси-блюз", "Армавир", "Затерянный в Сибири", "Завещание Сталина", "Крестоносец", "Мусульманин", "Русский бунт"... За фильм "Крапачук" (Бельгия—Франция—Испания) — приз на МКФ в Испании "За лучшую мужскую роль".

— **Про увольнение — это шутка?**

— Представь себе, нет. Союз кинематографистов России, узнав о том, что это не юмор и смех, решил заступиться за меня. Мне выдали удостоверение, что я являюсь директором Волгоградского филиала СКР. Теперь у меня три члена — документалисты, как съемочная группа. Оператор, звукооператор, режиссер и я. Я не знаю, что из этого выйдет, потому что у меня нет средств, чтобы начать что-то делать...

— **Но вы способны на рискованные поступки?**

— А откуда, думаешь, у меня эти шрамы? На лбу — с "Мусульманина", вот это — с "Такси-блюза", на ноге — "Гроза над Русью". В "Мусульманине" я приехал сниматься в изумительную глухую деревню Курдово. Актерам сказали: "Вы пока отдохните", а съемочная группа поехала на ночную смену. Я решил поехать тоже, потому что очень люблю вместе с художниками строить декорации и что-то делать. И они как-то так быстро управились, что осталось время. Владимир Иванович Хотиненко говорит: "Петр, вообще-то сегодня ничего не плани-

ровалось, но мы можем снять падение с мостика". А пока все устанавливали, на мост натаскали грязи. Наш оператор предложил: "Может, мостики помыть?". Но понимаешь, какая ситуация неловкая: местный народ-то меня не знает, они просто глязют на съемку. И я представляю, что бы они сказали: "Во, приехал артист, заставил на улице полы мыть!". И я сказал, что не надо, я уж как-нибудь... Я знал, что в воду падать надо или на живот, или на спину, потому что речка неглубокая. Но поскользнулся и полетел прямо вниз головой. Потом — швы и 12 дней больницы...

— **Но это скорее несчастный случай. А если просто от куража?**

— Каскадеры говорят, что есть такие актеры, которые на кураже могут безо всякой страховки прыгнуть хоть с седьмого этажа, перестают чувствовать опасность, и за ними нужен глаз да глаз. Но я не рискую по-мальчишески. В 1993-м я снимался в "Крапачуке". Там герои убегают от полиции, отрываются и садятся отдышаться на крышу. А у моего персонажа (Человек-славянин) всегда за пазухой бутылка и окорок. Он достает бутылку, выпивает, ставит ее на крышу — и она улетает вниз. Единственная страховка — балкон, заставленный картонными коробками. Но если не удержишься, можно улететь вслед за бутылкой. Я вижу, что французский каскадер, в моей одежде и с приклеенными усами, репетирует, и у него ничего не получается. У него — чистый спорт. А надо — бутылка полетела, и человек, не задумываясь ни на секунду, бросается за ней. Я говорю режиссеру: "Ты знаешь, у него ничего не получится. Ведь ни один француз не поймет, как из-за этого говна можно жизнью рисковать. Это — чисто русское". Мы рискнули... Когда я уже висел на краю крыши, то увидел бутылку, которая закатилась в желоб. Я подтянулся к ней, плотнул, аккуратно поставил ее в рукав, и только потом начал жизнь свою спасать. И все сказали: "Да, это русский характер".

— **Французский-то там выучили?**

— Язык я бы там поднатаскал, если бы меня учили. Но чувствовалось их уважение ко мне (все-таки главная роль), и всегда рядом на площадке был переводчик, а французы, наоборот, старались, как я, грассировать... Работают они много и очень ответственно. Однажды после съемок режиссер говорит: "Петр, сейчас поедем в ресторан ужинать". Я понимаю, что это жутко дорогой ресторан, и отвечаю, что мне чего-то не хочется. Он говорит, что надо. Там мы садимся и в деталях обсуждаем, что и как мы будем делать завтра. Раньше времени актера никогда на площадку не привезут — только когда уже все будет готово. Он входит в кадр, и сразу надо выдавать результат.

— **А как к вам отнеслись в Каннах, когда вы привезли туда "Такси-блюз"?**

— Мы приехали туда с Лунгиным и Колякановой. Все было очень солидно. Правда, всем шиком и благами Канн мне попользоваться не удалось: каждый день нас растаскивали на интервью и теле-съемки. Весь день — работа. Интересно, что даже если журналист аккредитован на пресс-конференцию, но чуть опоздал, в зал его не пустят. Первый вопрос задала одна журналистка — на чистом русском языке: "Петр, вы воспитаны на произведениях соцреализма и творчестве Максима Горького. Как вы ощущаете его фразу: "Человек — это звучит гордо"? Я подтягиваю микрофон, как будто вижу его в первый раз, и произношу: "Здесь — нормально". Их это сразу подкупило. Они очень любят шутки, и в рейтинг актера входит то, как он отвечает на вопросы.

— **Я слышала, что о вас есть документальный фильм...**

— Да, "Только имя да эхо", его сняли к 50-летию войны. Я родился 1 апреля 1943 года, и в этот день домой принесли похоронку на моего отца... Я появился случайно, только потому, что отец имел счастье прийти в отпуск по ранению. Долгое время у нас хранилась открытка, на которой было написано рукой отца: "Вера, по моим подсчетам, вас стало на одного больше". Видимо, она ему как-то успела сообщить, что ждет ребенка после его отпуска. "Надеюсь, что это сын" — потому что у меня уже была старшая сестра... В фильме я не актер, а один из тех детей войны, которые не видели своего отца. Я иду на его могилу — через Куликово поле, Бородино, Курскую дугу — и везде разговариваю со старухами и моей родней. Это размышления о том, что осталось от них — только имя да эхо.

Мария КОСТЮКЕВИЧ.